Арт-фонарь. - прил. к „Литературной газете" - 1995 - № 14-15 - С. 9

1995 г.

«Беглый грех» московской культуры

Журналиста и писателя Петра ВАЙЛЯ, надеюсь, нашему читателю представлять не надо. Его статьи и книги о культуре, написанные в соавторстве с Александром Генисом, всегда отличались глубоким содержанием при доступности формы плюс незаурядным чувством юмора. Эх, так и не удалось спросить заветное: "Как вы пишете вдвоем?", чтобы услышать: "Вайль бегает по редакциям, а Генис стережет рукописи". Петр Вайль приехал в Москву один (в смысле без Гениса, но с женой) и не из Нью-Йорка, но из Праги, где работает на радиостанции "Свобода".

- Вы посетили кинофестиваль и могли наблюдать весь московский светский и культурный бомонд. Что необычного в нашей культурной жизни позволил заметить взгляд со стороны?

- Культурная жизнь в Москве насыщенна, это бросается в глаза. Что касается ее отличия - то это постоянная рефлексия по поводу культурной жизни. То есть во время безудержного веселья кто-то непременно должен сказать "Пир во время чумы!" Обязательно будут обвинения в пошлости, купечестве, безвкусице. При том, что произносящий это человек продолжает во всем принимать участие и, совершенно очевидно, наслаждаться. Но хороший тон требует осуждать свое собственное поведение, и в этом есть какая-то идея беглого греха и беглого покаяния. Все это совершается на ходу и синхронно. Это входит составной частью в культурную жизнь, что придает ей несколько истерический оттенок.

Я тут ездил с фестивальной компанией в Нижний Новгород. Поскольку я приехал на фестиваль буквально за день до этой поездки, то не успел понять, что это было довольно сложное мероприятие. В том смысле, что попасть туда могло довольно ограниченное число людей, и вокруг этого плелись всевозможные интриги, разговоры, слухи и прочее. И это не просто пустяковая часть культурной жизни, светского процесса, а его именно важнейшая составляющая. Без этого, боюсь, все бы рухнуло. То есть просто так расслабляться в России, по-моему, не научились.

Так мы опять приходим к извечному разделению - что есть искусство, то есть служение истине, а что есть энтертейнмент, развлечение. Так вот энтертейнмента, к сожалению, нет.

- А служение есть?

- Конечно, есть. Но опять-таки оно приобретает несколько истерический оттенок, потому что понятно, что энтертейнмент приносит деньги, служение же музам не приносит, а деньги теперь надо зарабатывать. И энтертейнмент здесь тоже несет в себе идею греха - как так, заниматься искусством, просто развлекая. Налет этой истерики и есть самое любопытное.

- Кто из наших звезд, по-вашему мнению, действительно принимает участие в культурном процессе, а кто выглядит провинциально?

- Если говорить в рамках этого фестиваля, то это Никита Михалков. Это действительно реальный козырь российской культуры на мировом раскладе. И если говорить о кино, боюсь, это единственный реальный козырь.

- Здесь модно его ругать.

- Да, знаю, и это опять-таки связано с тем, о чем мы говорили в начале. Здесь идет беспрерывное покаяние, и любой, вырывающийся за эти рамки, кажется чужаком и сразу карается. А Михалков не боится. Он не боится снять такой фильм, как "Очи черные". Все, что угодно, можно говорить, выйдя с этого фильма, но нужно иметь совесть и сказать - господа, мы два часа просидели с удовольствием! Было красиво и интересно, успокойтесь вы со своей сверхзадачей! Вы получили удовольствие, поклонитесь в ножки, скажите спасибо.

- Мы говорим о кино, а кто представляет на Западе нашу литературу?

- Современную русскую литературу, по моим наблюдениям, за границей не знают.

- А как же разговоры о том, что все наш андеграунд читают, обмирают, восхищаются?

- Это творится такое постоянное безобразие. Я как-то в "Известиях" прочел заметку, что приезжала в Нью-Йорк Пугачева и зал Карнеги-холл был полон. Чистая правда и при этом стопроцентная ложь. Действительно, зал Карнеги-холл был полон, но второго концерта не могло бы состояться теоретически - остались бы одни капельдинеры. Сколько поместилось эмигрантов, готовых заплатить какие-то деньги за билеты, столько и поместилось. На второй вечер их не хватило бы.

То же самое происходит с признанием российского андеграунда. Кто его признает? Группа интеллектуалов, у которых достаточно состоятельный спонсор, позволяющий им издавать журнал и иногда приглашать кого-то из-за границы. Это действительно реальные люди, восемь или сто восемь человек, которые живут где-то в Париже или Берлине, холят, лелеют, обожают, печатают какого-то писателя или поэта, но говорить о признании совершенно невозможно. Последний писатель, который имел признание, в большей степени по другим причинам, не по литературным, был Солженицын. И есть, конечно, Иосиф Бродский. Он единственный из сегодняшних писателей и второй после Набокова, кто стал фактом англоязычной литературы. Но он единственный такой, это не явление.

- А что касается литературы эмигрантской?

- Литературы эмигрантской не существует. С тех пор как нет границ, нет и эмигрантской литературы никакой. У первой эмиграции был полноценный литературный процесс, журналы, газеты, полемика, критика, а самое главное - была тема. Это Родина, тоска по ней, тяжелейшая ностальгия и уверенность, что скоро все это рухнет, что они унесли с собой настоящую Россию. У третьей эмиграции ничего такого не было. Те, кто уехал, уехали спасаться сами, по тем или иным причинам, будь это причины политические или - на восемьдесят процентов - экономические. Может быть, и сложилась бы своя цель, то, что в первой эмиграции было обозначено строчками Берберовой: "Мы не в изгнании, мы в послании", - но ничего подобного не было. Юз Алешковский, представитель нашей эмиграции, эти слова переиначил: "Не ностальгируй, не грусти, не ахай. Мы не в изгнании - мы в послании на хуй". Это совершенно точно, это ощущение того, что ты один, совершенно экзистенциальное и подлинное чувство, единственно достойное для человека. Ты один в мире, оглядись, строй вокруг себя нечто в виде семьи, работы, дома, хобби, увлечений - и живи. Живи под свою ответственность. Ты один на один и помни, что один родился и один умрешь.

- Кого из писателей-эмигрантов вы назвали бы самым ярким?

- Ну самый яркий, разумеется, Сергей Довлатов. Остальные оказавшиеся в эмиграции писатели все самое лучшее и достойное написали в России.

- А Аксенов?

- Лучшие вещи Аксенова, изданные после его отъезда, были написаны в России. Все, что написано потом, уступает. То же самое относится и к другим мэтрам.

- Теперь мой любимый вопрос - как вы относитесь к великой русской идее?

- Россия не Европа, но и не Китай и не Индия. Она всегда будет принадлежать к традиции западного мира. И России никуда не уйти от западного пути развития, просто потому, что он естествен для народа. Можно построить строй, который будет неорганичен и будет держаться на штыках. Но он рухнет, как рухнул советский строй. У Бродского есть такая строчка: "Ворюга мне милей, чем кровопийца". То есть если на верхушке кровопийц сменили воры - это прогресс. Кровопийца неестественен, он вносит в жизнь необратимое - смерть. А воровать - это естественно. Естественно себе заграбастать б ольшую часть, оставив ближнему меньшее. Было бы странно, если бы все повально себе оставляли меньшее, а друг другу давали бы большее, это был бы сумасшедший дом, здесь и нужно бить тревогу.

Я участвовал в дискуссии, где Говорухин говорил с большим пафосом, что Россию разворовывают оптом и в розницу. А я сказал - помилуйте, эта единственная надежда, что ее в розницу стали разворовывать. Ну стоит склад в чистом поле без охраны. Нужно быть идиотом, чтобы подумать, что люди не пойдут доски отрывать и консервы растаскивать. Все окрестное население нужно вязать и сажать в дурдома, если они не отрывают эти доски. Да я сам пойду отрывать доски, что я, сумасшедший, что ли?

- А не хотели бы вы пожить несколько лет в Москве?

- Это интересно, но и опасно. Колоссальный минус, что я не варюсь в этом бульоне, но и колоссальный плюс. Я могу позволить себе взгляд со стороны, участвуя в этом с большой степенью понимания. Этот шанс надо ценить.

Раз у меня так сложилась жизнь - есть резон извлекать плюсы из ситуации, а не огорчаться по этому поводу или пытаться что-то изменить. Вот я и пытаюсь извлекать.

Лара ВИННИК

Вайль Петр